

Глава 5.

**Преемственность и постепенность:
подходящий принцип и личная ответственность
в крестьянских налогах**

Одна из самых злободневных тем в глазах российской общественности рубежа XIX и XX веков – крестьянские налоги. Пётр Соколов, Алексей Корзухин, Александр Красносельский, Василий Пукирев, Василий Максимов, Константин Трутовский, Николай Орлов – вот перечень (вероятно, неполный) художников, посвятивших известные картины сбору податей в пореформенной России. Все они изображают страдания крестьян-бедняков, разоряемых непосильными платежами. «Последнюю коровушку за недоимку» – так издатели серии открыток переименовали название знаменитой картины В.В. Пукирева «Сбор недоимок». Выражение это в достаточной мере объясняет, чем именно податная тема волновала общественное мнение.

Как раз в крестьянских налогах на протяжении пяти лет состоялись целых три реформы. Одна из них хорошо известна, хотя и воспринимается как периферийное событие – это отмена круговой поруки в 1903 г. Ещё одна известна специалистам по сибирскому крестьянству: это отмена подушной подати в Сибири в 1898 г. Наконец, третья и вовсе упоминается лишь в узкоспециальных налоговых работах – принятие в июне 1899 г. Положения о порядке взимания крестьянских налогов. Все они, однако, вращаются вокруг одной темы, и это – изменение системы крестьянских налогов.

***Поземельный налог для землепользователей:
не воплощённый замысел***

Начнём, по хронологии, с реформы 1898 г. Реформа как таковая относится только к Сибири, что делало бы её неинтересной для уяснения российской истории, если бы не один документ, возникший в связи с обсуждением именно сибирских особенностей. Документ этот, независимо от желания его автора, выдаёт представления высоких столичных начальников о существовании крестьянских налогов.

Отмена подушной подати в Сибири отстала от Европейской России на целых 13 лет. Несомненно связь этой реформы с развернувшимся переселением в Сибирь. Именно в фонде Переселенческого управления хранится проект этого закона, предложенный на обсуждение министров в начале 1896 г. В научный оборот этот документ ввёл известный омский историк Виктор Николаевич Худяков¹⁵³. Как явствует из проекта, толчок реформе был дан Госсоветом в 1890 г. – как раз на другой год после закона 13 июля 1889 г., ставшего вехой в развитии переселения.

---

¹⁵³ Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск: изд-во Томск. ун-та, 1986. С. 227–228.

Удивительный факт: платежи бывших государственных крестьян Сибири и Европейской России до реформы 28 мая 1885 г. были одинаковы, а после реформ 1885 и 1898 гг. – стали разными. До 1885 г. крестьяне платили подушную подать за себя и оброчную подать за пользование землей. В Европейской России оброчная подать, как мы уже видели, превратилась в выкупные платежи; подушная подать сменилась поземельным налогом. Притом в законе 28 мая 1885 г., отменившем «подушину», ничего не говорится о поземельном налоге (необходимость его уплаты подразумевалась «по умолчанию»). Между тем, закон 19 января 1898 г. (сибирская реформа) не только отменил подушную подать (заодно с оброчной, подымной, сбором на межевание, ясачным сбором), но отдельным пунктом установил новые налоги.

«Взамен отменяемых, согласно отд. I, душевых сборов, взимать за отведенные от казны земельные наделы – государственную оброчную подать, а за земли, принадлежащие крестьянам и инородцам на праве собственности, – поземельную подать» – так написано в законе о сибирской реформе¹⁵⁴. Именно государственная оброчная подать, а не поземельный налог, стала после реформы главным налогом сибирских крестьян.

В действиях законодателя можно увидеть вполне определённый смысл. Бывшие помещичьи крестьяне центра страны хотя далеко ещё и не выплатили выкупные платежи, по выполнении этого обязательства должны были получить наделные земли в свою собственность (пусть и совместную, а не единоличную). Государственные крестьяне Европейской России одновременно с отменой у них подушной подати тоже были переведены на выкуп. В Сибири же земли по-прежнему были собственностью правительства. Долгожданное сибирское землеустройство, начатое законом 23 мая 1896 г., оставляло сибирских крестьян лишь пользователями казённой земли¹⁵⁵. Следовательно, в обеих реформах (1885 и 1898 гг.) соблюден один и тот же подход: за собственную землю платится поземельный налог, за казённую – государственная оброчная подать.

Однако при начале разработки сибирской реформы замысел был иным. Убедиться в этом позволяет отношение, 8 июля 1893 г. направленное из Департамента окладных сборов Министерства финансов в Томскую казённую палату¹⁵⁶. Вице-директор департамента Н.Н. Кутлер сообщал о том, что в министерстве «разрабатывается вопрос об установлении в губерниях и областях Сибири, взамен подушной и оброчной податей, основанных на подушном счете населения, казенного поземельного налога».

Важно уточнение: «поземельный сбор может быть взыскиваем лишь с тех разрядов крестьян и инородцев, в пользовании которых находятся казенные земли, равно как и с тех, которые владеют землею на праве полной собственности (с последних, однако, в уменьшенном размере)», а

¹⁵⁴ ПСЗ-3. Т. XVIII. Отделение 1-е. № 14908. С. 40.

¹⁵⁵ ПСЗ-3. Т. XVI. Отделение 1-е. № 12998. С. 503–505.

¹⁵⁶ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 64. Л. 1–4.

«безземельных крестьян представлялось бы справедливым совсем освободить от взимаемых с них подушных сборов»¹⁵⁷.

Слово «лишь» в начале предложения наводит на мысль о том, что пользователи казённых земель противопоставляются частным владельцам. Однако завершение цитаты не оставляет сомнений в том, что противопоставление идёт по другой линии: земельные/безземельные. Зато землепользователи и землевладельцы объединяются в группу тех, кто должен платить проектируемый поземельный налог.

Речь не идёт о том, что разработчики забыли о сибирских особенностях. В отношении Кутлера чётко сказано о том, что плательщиками поземельного налога должны стать и землевладельцы, и пользователи казённой земли. В законе, принятом четыре с половиной года спустя, для этих двух групп так же чётко установлены разные налоги. Значит, по ходу подготовки реформы в изначальные планы было внесено исправление. Противопоставление собственников и пользователей земли, заложенное в законе 1898 г., изначально не казалось реформаторам необходимым. Вероятно, это условие было введено по настоянию тех, кто стремился подчеркнуть сохранение сибирских земель в казённой собственности.

Подытоживая реформу 1898 г., В.Н. Худяков пишет, что «этим законом в Сибирь фактически переносилась система налогов, которая была установлена в 60-х – начале 80-х гг. для бывших государственных крестьян Европейской России»¹⁵⁸. Различие между поземельным налогом и оброчной податью историк, таким образом, считает несущественным. Это упрощение нельзя назвать совершенно бесосновательным, поскольку способы раскладки двух сборов между селениями похожи. Но как раз обсуждение этих способов и составляет наиболее интересную часть разбираемого дела.

«По соображению с данными о количестве и доходности»

Вот что говорилось в уже цитированном отношении Н.Н. Кутлера от 8 июля 1893 г.: «Назначенная по каждому округу сумма поземельного налога подлежала бы, как выше указано, разверстке только между обществами крестьян старожилов и оседлых инородцев, по соображению с данными о количестве и доходности земли, с принятием в расчет условий сбыта продуктов, а также [по соображению с] данными о рабочей силе населения (для соображения, какое количество земли может быть обработано населением)». Таким образом, в основе обложения – не столько земля, сколько получаемый налогоплательщиками доход. Кто богаче, тот должен платить больше – таков замысел столичных реформаторов, не сформулированный чётко, но подразумеваемый в качестве очевидного.

---

¹⁵⁷ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 64. Л. 1 об.

¹⁵⁸ Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. С. 228.

Подобным же было и отношение томских чиновников, которое можно видеть из ответа Томской казённой палаты на департаментский запрос¹⁵⁹. Текст его – хотя и с исправлениями, но окончательный (заверен неразборчивой подписью начальника отделения) – датирован 3 сентября 1893 г.

Томские чиновники встретили столичную инициативу благожелательно: «введение взамен подушной и оброчной подати и межевого сбора – поземельного душевого налога весьма желательно, так как этим упростится податное дело». При этом автор ответа указал на неразмежеванность сибирских земель, но подчеркнул, что это не является препятствием к поземельному налогу, «ибо в необмежеванных волостях крестьяне и инородцы пользуются, по обычному праву и в силу необходимости, казенными землями в таком размере, какой им необходим»¹⁶⁰. Последняя формулировка подразумевает, что недостатка в земле нет, а значит, крестьяне живут хорошо и могут платить налоги. Таким образом, томские сотрудники Минфина тоже воспринимали поземельный налог не как обложение земли, а как обложение платёжной силы.

В томском ответе этот взгляд выражен даже более ярко, чем в исходном запросе. Поддерживая общий замысел реформы, палата сделала две оговорки. Прежде всего, автор записки воспротивился освобождению от налогов безземельных крестьян. Избавление крестьян из ссыльных от податного бремени, – говорится в документе, – «неизбежно усилит в них леность и беззаботность к устройству своего хозяйства, в то время как условия Сибири по своей привольности и способах [так в тексте. – А.К.] к заработкам (например, золотые промыслы и проч.) дают возможность даже мало-радивым ссыльным устраиваться безбедно в ссылке»¹⁶¹.

Под конец томичи обращали внимание, что нельзя провести реформу без согласования с руководством Алтайского горного округа, в казну которого (то есть, в Кабинет его императорского величества) поступает 4,5 руб. из платимых местными крестьянами 6 руб. с души. В то же время, высказывалось желание «поставить эту надежную платёжную силу в такие условия, при которых платилось бы казне не по 1 р. 50 к. с души в год, как это платят ныне означенные крестьяне, а по крайней мере в три раза более». Для этого предлагалось при поддержке казны провести выкуп крестьянами земель у Кабинета на основе капитализации оброка. Очевидно, что автор документа имел в виду опыт реформы 19 февраля 1861 г. Эту операцию он называл выгодной и для Кабинета, и для крестьян, и для госбюджета. Выгода казны виделась в том, что «выкупивши землю, крестьянин легко может платить казне налогу не 4 р. 50 к., а даже 6 руб. в год»¹⁶².

¹⁵⁹ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 64. Л. 68–80.

¹⁶⁰ Там же. Л. 68, 68 об.

¹⁶¹ Там же. Л. 69 – 69 об.

¹⁶² ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 64. Л. 74, 74 об.

Таким образом, и томские сотрудники казённой палаты, и руководители Департамента окладных сборов, рассуждая о мероприятиях в области крестьянских налогов, держали в голове доходы плательщиков. Разница лишь в том, что департамент предлагал учитывать их на основе данных о землепользовании, а томичи были не готовы вовсе отказаться от «старых добрых» душ. Впрочем, это различие не играет существенной роли для автора томской записки: реформу он всё-таки поддерживает. Похоже, что выбор основания для расчёта крестьянских налогов (душа или десятина) волнует его меньше, чем неоднократно упоминаемые ссыльные, «которые не мало угнетают в экономическом отношении старожилов».

Дело в том, что даже подушное обложение лишь по названию безразлично к доходу, на деле же в этом налоге всегда присутствовал подтекст платёжеспособности. Уже при Петре I делалось различие между государственными крестьянами (на которых накладывалась, дополнительно к подушной, оброчная подать) и помещичьими. При Павле губернии были разбиты на 4 разряда с установлением для них «вилки» оброчной подати от 3,5 до 5 рублей. В ходе Киселёвской реформы в 1842 г. было провозглашено «переложение» подушной и оброчной подати с душ на землю и промыслы. При самом П.Д. Киселёве это коснулось 19 губерний Европейской России, со временем распространилось и на окраины.

«Переложение на землю» означало учёт не одного–двух, но большого числа разных показателей, причём многое зависело от творчества низовых инстанций. Ставки пересматривались каждые три года уездными комиссиями и казёнными палатами. На съезде податных инспекторов 1905 г. руководство Томской казённой палаты ставило в пример всем инспекторам раскладку государственной оброчной подати на 1904–1906 гг., сделанную в Томском уезде. Её авторы учитывали: число дворов, число наличных душ, число годных работников, число десятин удобной земли, площадь запашки, количество скота. В качестве «корректива» к этим цифрам учитывались: задолженность населения по податям и казённым ссудам, качество земли, доходные промыслы, возможности сбыта сельскохозяйственной продукции, размеры мирских капиталов и доходов, и даже размеры льгот в связи с причислением переселенцев к старожильческим обществам¹⁶³.

Раскладочный налог, круговая порука и её отмена

Пытаясь совместить формальную привязку налога к душе мужского пола или к земельной площади – с фактической опорой на данные о состоятельности, мы упираемся в понятие раскладки. Понятие это – ключевое для крестьянских налогов. Раскладкой подушной подати между губерниями,

---

¹⁶³ Кириллов А.К., Панова А.Е. «Душа» против «состояния»: неявный смысл крестьянских налоговых раскладок в России начала XX века (на материалах Богородской и Семилужной волостей Томского уезда) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 47. С. 48–58.

уездами, волостями и селениями занимались чиновники до реформ второй половины XIX в. Раскладкой поземельного налога и государственной оброчной подати занимались они же – после. Раскладкой определённой на селение суммы («оклада») между отдельными плательщиками занималась крестьянская община до реформ. Такой же раскладкой занималась она и после.

Даже подушная подать, будучи формально одинаковой для всех «душ», никогда не была одинаковой для плательщиков. Она отражала лишь нежелание (или неготовность) государства вникать в состояние отдельных плательщиков. Таков парадокс: формально замена подушной подати на поземельную или государственную оброчную выглядит коренной переменой в основании обложения. Фактически же раскладкой налогов и до, и после занимались сами общества, и основания этой раскладки не претерпели революционных изменений.

Вопрос: почему государство предоставляло крестьянам самим развёрстывать между собой налог, не заботясь о соблюдении того основания подсчёта (ревизские души), которым пользовалось само? Ответ: оно прекрасно понимало, что действительное требование с каждой «души» одинаковой суммы усилило бы неравномерность налога и его давление на бедных, доставив богатым чрезмерное облегчение. Притом государству и не было нужды вникать в положение отдельного плательщика, коль скоро оно общалось с целым сельским обществом, связанным круговой порукой.

Именно круговая порука оказалась на исходе XIX в. под прицелом критиков российской податной системы. Видную роль среди них играл Н.К. Бржеский – один из университетских преподавателей, при С.Ю. Витте активно участвовавших в подготовке реформ. «Выражение "круговая порука" было неизвестно финансовому законодательству XVIII столетия, но самое понятие круговой ответственности не могло не вырасти на почве податных порядков, при которых правительство не знало действительных плательщиков податей, а имело дело с платежными собирательными единицами, оклад коих устанавливался по числу ревизских душ, т.е. по признаку, не имевшему никакого реального значения»¹⁶⁴ – так резюмировал автор предысторию той круговой поруки, которая окончательно была оформлена уже при Николае I. Своей книгой Н.К. Бржеский стремился доказать: крестьянские недоимки выше там, где сильнее община, сильнее круговая порука. Эту же мысль проводила и специальная комиссия, созданная по инициативе С.Ю. Витте. За долгой подготовкой, которую подробно описала М.С. Симонова¹⁶⁵, последовала реформа 1903 года.

---

¹⁶⁴ Бржеский Н.К. Недоимочность и круговая порука сельских обществ. СПб, 1897. С. 99.

¹⁶⁵ Симонова М.С. Отмена круговой поруки // Исторические записки. Вып. 83. М., 1969. С. 159–195.

Законом 12 марта 1903 г. в России вместо круговой поруки ввели личную ответственность крестьян по налоговым платежам¹⁶⁶. С этой точки зрения крестьянские налоги стали подобны промысловому, квартирному и другим городским налогам. Значит, требовался аппарат, подобный податным присутствиям или городским оценочным комиссиям.

Такого аппарата не было. Государство по-прежнему не в силах было наладить учёт платёжных сил каждого крестьянина в отдельности без помощи общины. Развёрстку налогов в пределах селения необходимо было сохранить за крестьянскими обществами; так и произошло.

Но это, вроде бы, сохранение старого на деле означало коренную перемену в положении общины! Роль крестьянской общины как налогового агента правительства после закона 12 марта 1903 г. резко изменилась. Сохранив право определять платёж каждого крестьянина в отдельности, община избавилась от обязанности отвечать за последствия неправильной раскладки. Создавалась опасность, что сход возложит львиную долю платежей на крестьян малоимущих или «безвестно отлучных», с которых казна ничего не сможет взять.

Гарантией против этой опасности стало загодя принятое «Положение о порядке взимания окладных сборов с надельных земель сельских обществ» от 23 июня 1899 г.¹⁶⁷ Законодатель чётко установил, что раскладка налога «должна быть произведена уравнительно с применением ко всем домохозяевам одинаковых условий обложения». То есть показатели платёжеспособности могут быть выбраны разные («согласные с установившимися местными обычаями» – число душ в семье, размер надела, количество скота, число ульев и т.д.), но коль скоро они заявлены в приговоре, следует соблюдать их при расчёте суммы налога для каждого плательщика.

В инструкции по применению Положения 23 июня 1899 г. уточнялось: приговор должен сопровождаться раскладочным перечнем. В нём следует указывать для каждого плательщика не только цифру назначенного ему налога, но и размер налогооблагаемой базы согласно основаниям раскладки, записанным в приговоре¹⁶⁸.

Следить за соблюдением этого правила поручалось земскому начальнику и податному инспектору. Если первый из них проводил формальную проверку на «согласие приговора с законом» (наличие кворума, и т.п.), то последнему ставилась более глубокая задача выявлять «отступления от закона, клонящиеся к нарушению казённого интереса». Только после утверждения чиновниками раскладочный приговор вступал в силу.

Так крестьянская община превратилась, по сути, в своеобразное податное присутствие. Подобно городским присутствиям, она определяла размер платежа для каждого налогоплательщика, не неся при этом никакой ответственности за

---

¹⁶⁶ ПСЗ-3. Т. XXIII. Отд. I. № 22627. С. 133–134.

¹⁶⁷ ПСЗ-3. Том XIX. Отделение 1-е. СПб, 1902. № 17286. С. 804–815.

¹⁶⁸ Вестник финансов, промышленности и торговли. Указатель правительственных распоряжений по Министерству финансов. 1899. № 28. С. 500–501.

уплату налога. Как и в городских присутствиях, решение принималось большинством голосов, и это были голоса самих плательщиков. Подобно городским присутствиям, община была при этом несвободна от вмешательства чиновников, в виде как законов и инструкций, так и проверяющих её работу чиновников. Отличия были существенны: в сельском сходе имели законное право участвовать все плательщики, а не только выборные; инспектор не присутствовал лично, а лишь пост-фактум проверял присланный ему приговор; наконец, основания раскладки не предписывались законом, но могли выбираться самим обществом. Но произошло главное: работа по определению окладов налога для плательщиков была отделена от ответственности за эту работу.